

Они лежали в источнике уже больше получаса. Теплые ласковые струи обтекали расслабленные тела, зыбкий колеблющийся пар стелился над водой, медленно поднимаясь к колючим ветвям сосен, размывая их строгие темные контуры...

— Шибко долго валяться тут нельзя, — негромко и как бы между прочим, заметил Серега, покосившись на приятеля.

— Это почему? — лениво откликнулся Вадим.

— Сердце может прихватить... — Сергей шумно сел, небрежно опрыснув крепкие плечи, выпуклую, лохматую грудь. — Где-то за неделю до тебя, — он снисходительно усмехнулся, — один бизнесмен сюда прикатил. С двумя бабами...

Вадим невольно принял вертикальное положение.

— Я думал: одна на мою долю останется... — похлопывая себя по мокрой голове, продолжал Сергей, — но куда там! Они — эти новые русские — до всего жадны. И до денег, и до баб!..

Приятель слушал с заметным интересом.

— Он повел их сюда, на источник... — Серега встал, выпрямился. Потоки воды, шумя, скатывались с коренастого, сильного тела.

— И чего? — Вадим приподнялся.

Приятель снял с ветки полотенце, стал немилосердно растирать голову и грудь:

— Начал он с ними тут забавляться... Прямо в воде, — глаза его озорно блестя из-под махровой ткани, — а сердчишко возьми и прихвати! — он принялся растирать мускулистую спину. — Так бабы — представляешь? — во весь дух ко мне прилетели... Прямо голые!..

— Да ты что?!

— Лопни мои глаза! — Сергей натянул майку и трусы. — Помогите, мол! Алексей Михалыч умирает!..

— А ты?

— Схватил аптечку и сюда! — рассказчик надел брюки и рубаху. — А ты чего стоишь? Застынешь!..

Вадим, спохватившись, взял полотенце.

— Ну а потом? — он наскоро вытирался, не желая упустить подробности. — Откачали? Или как?..

— Да, конечно... — небрежно бросил Сергей. — Сунул ему под нос нашатыря — сразу очухался... Зенками моргает — где, мол, это я?..

— А бабы? — не отставал приятель.

— Они рядом вернутся. Охают. Вздыхают... А я им говорю: «Вы бы хоть трусы надели, а то мне голову поднять стыдно!...»

— Они все время голыми ходили, что ли? — не поверил Вадим.

— Без зазрения совести, — пожал плечами Серега, — для них это плевое дело, как я понял...

— Молодые?..

— В дочки ему годятся...

— Сами-то ничего?..

— В порядке, — Сергей показал руками, — и там, и тут все, как полагается...

Вадим стал поспешно одеваться.

— Может, мужик этот здорово перестарался? — через минуту высказал он вероятное предположение. — Раз бабы молодые?

Сергей, уже одетый и обутый, терпеливо наблюдал за ним.

— Может, и перестарался, — он тихо переступил, — источник этот, говорят, очень активный. Чувствуешь, как кровь шумит?

Притель прислушался к себе. Тело его горело, в висках стучало и пульсировало. Над их головами пронесся легкий ветерок, вкрадчиво зашелестев мохнатыми сосновыми ветвями.

— Ну, что? Пошли? — спокойно предложил Сергей.

Прители вынырнули из-под густой сени сосновой рощи и отправились на берег озера. Мелкий, рассыпчатый, какой-то ласковый песок мягко шуршал под ногами. А прозрачная, светлая, бесконечная водная гладь призывно волновалась невдалеке...

Озеро казалось спокойным и почти невозмутимым. Манящей свежестью и прохладой веяло от него. До бревенчатого просторного дома, в котором жил Сергей, было с полкилометра, и приятели шли не спеша, с наслаждением подставляя разгоряченные лица легкому, шаловливому ветерку. Под кедами иногда с хрустом ломались сухие сосновые шишки. Вадим усмехнулся:

— Как же девки ноги-то не поранили? — повернулся он к другу.

Видимо, недавний рассказ не выходил у него из головы. Серега ответил, не раздумывая:

— Они тебе за деньги что хошь сделают! Даже на битом стекле спляшут и на раскаленной печке дадут!

На берег, играючи, набежала волна и тут же откатилась, шипя, как газировка в стакане. Смеркалось. Солнце уже убралось за высокие, островерхие вершины, кое-где увенчанные снеговыми шапками. А все озеро как бы осветилось изнутри. Огромное. Безбрежное. И Вадим вдруг ощутил, какая необъятная, непостижимая масса воды таится в этом гигантском разломе между дикими, мрачными скалами и как она таинственна и необорима...

— Сколько ты живешь здесь? — задал он неожиданный вопрос.

— Двенадцать лет, — ответил Сергей просто, ничуть не удивляясь.

Они поднялись на крыльцо. К ногам хозяина бросился крепкий широкогрудый пес, услужливо мотая хвостом. Сергей привычно погладил его по загривку, но в дом не пустил.

— Ну, чего? Будем картошку жарить? — он распахнул печную дверцу и подбросил внутрь пяток поленьев. Потом умело развел огонь и достал пыльный рюкзак.

— Давай я помогу! — спохватился гость.

— Валяй. Вдвоем веселее.

Они взяли по ножу и уселись возле стола. Картофель был сухой, морщинистый, с длинными белесыми отростками.

— Новой еще не копал, — виновато пояснил Сергей, умело пуская в ход нож, — да и, честно сказать, нынче я чего-то распустился. В одиночестве-то...

— В отпуск, что ли, уехала? — бодро поддержал гость, имея в виду отсутствующую жену приятеля.

— Сбежала, — просто ответил тот.

Вадим оторопел:

— Как сбежала? Когда?

— В прошлом году, — Серега бросил очищенную картофелину в кастрюлю с водой и взял другую. Приятель исподлобья глянул на него и не проронил ни слова.

— Я вернулся с обхода, — не дождавшись вопроса, продолжил хозяин, — на столе записка: «Уехали совсем. Не ищи. Борщ и котлеты в погребе».

— Навсегда уехали? — отважился подать голос Вадим.

— Ну да. Вместе с Юркой. С сынишкой...

— А ты?..

— А я, — Серега бросил очередную картофелину в кастрюлю, — в сердцах поймал Фильку и застрелил его во дворе...

— Какого Фильку?! — ужаснулся гость.

— Да кот у меня жил. Пакостный жутко. Пока никого не было — забрался в погреб и все котлеты сожрал!..

Вадим обескураженно pokrutil головой. История со сбежавшей женой и расстрелянным котом заметно взволновала его. Он даже не знал, что и думать... Еще несколько часов назад этот просторный дом, сосновая роща, целебный источник и знаменитое озеро казались ему прибежищем мира и покоя...

— Сколько вы прожили? — спросил он осторожно, чтобы прервать тягостное молчание.

— Семь лет... — Сергей помешал в печи кочергой, сдвинул в сторону чугунные кружки и поставил на огонь сковороду. — Она была из К. Городская... — он скупно улыбнулся. — Ей все это не шибко нравилось...

— И озеро, и лес? — не поверил гость.

— А что ей это озеро? Даже телек тут толком не работает!..

Вадим собрал в кучу картофельную шелуху.

— Заверни в газету, потом в печку бросим... — хозяин опустил на сковороду кусок свиного сала, усмехнулся. — Остатки былой роскоши...

— Это как? — не понял приятель.

Сергей острием ножа гонял по разогретому дну сковороды увесистый шмат, упрямо норовивший ускользнуть:

— Сало тоже прошлогоднее... В этом году я кабана держать не стал, потому и очистки в печь кидаю...

Вадиму показалось, что в словах хозяина прозвучала грусть, удержавшая его от дальнейших расспросов. И голод давал себя знать.

К жареной хрустящей картошке были поданы маринованные опята. Особые, величиной с кончик мизинца — и одни только «шляпки». Гость отметил, что все они приходились одна на одну, словно их штамповали на каком-то лесном конвейере.

— Надо же! — восхитился он. — Бывает же такое чудо!..

— Какое чудо? — с тайной гордостью ответил Сергей. — Я тут все мари излазил, а всего три банки вышло... Это последняя...

За грибами пошли брусника, дикий мед и рыба. Знаменитая. Вошедшая в песни и предания. Жареная и вяленая. Причем хозяин решил попотчевать гостя местным «деликатесом». Не поленился сходить в ледник и принести замороженную рыбу, так называемую «расколотку». Перед употреблением ее следовало хорошенько отбить деревянным молотком — тушка расслаивалась на мелкие, ароматные кусочки, которые прямо-таки таяли во рту. Вкус и вправду необыкновенный, особенно под стопарик водочки...

— Божественно! — искренне заверил Вадим, ощущая небом и гортанью, как нежные, филейные частички бесследно растворяются в его страждущем теле.

— А бруснички? Прямо вдогонку? — не отступал Сергей.

— погоди! Давай еще по одной!..

— С превеликим удовольствием!..

Выпив и закусив, приятели заметно расслабились и повели неторопливый разговор.

— Ты как меня нашел? — с легким удивлением любопытствовал Сергей.

— Прочел заметку в областной газете и фото увидел, — охотно признался гость, — и думаю: ты не ты?..

— Ну да! У меня тогда вот такая бородища была! — хозяин картинно провел ладонью по груди. — Как у патриарха. А заметка называлась «Зов тайги»...

— Я ее прочел и ни черта не понял — зачем и когда она тебя позвала? — улыбнулся Вадим.

Приятель вдруг посерьезнел:

— Обычная журналистская брехня!.. На самом же деле я тут случайно очутился... Ты не куришь?

— Бросил...

— Я тоже бросил. Но стоит выпить — не могу утерпеть. Тянет... — он встал и сунул руку за печную трубу, достал оттуда пачку полузабытого «Беломора». Извлек папиросу и жадно закурил.

Потом, между короткими затяжками, рассказал приятелю все по порядку. После службы в армии — они служили с Вадимом в одном взводе — Сергей случайно оказался в здешних местах. Пристроился в одну из рыболовецких бригад на осеннюю путину, выходящую на лов в «малом море».

— Какое еще море? — не понял гость. — Это же озеро!..

— Не скажи! — усмехнулся Сергей. — Я тоже сначала так думал. Мало ли чего здешние люди, мол, болтают!..

А дальше произошло вот что: закончилась рыбалка, а Сергею никак не хотелось уезжать. Озеро приворожило его. Он и сам не сумел толком объяснить приятелю, почему не мог убраться отсюда? Жил в холодном пустом бараке, спал на голых дощатых нарах и каждую свободную минуту выходил на безлюдный берег...

— Не зов тайги получается, — качнул головою Вадим, — а зов озера...

— Наверно, — задумчиво согласился Сергей.

Гость сидел, опершись спиной о темную бревенчатую стену, далеко вытянув ноги и чувствуя, как по телу его блаженно расходятся покой и тепло. Хотя просторная кухня давным-давно не знала хозяйкиной руки и во всех ее углах серели паутина и сор...

— А как ты из рыбаков стал лесником? — задал он законный вопрос.

Хозяин ответил, не торопясь:

— Тоже случайно. Я уже совсем забичевал, и тут заходит в барак директор рыбокомбината. Он решил пустить барак на слом. Увидел меня и говорит: «А я, между прочим, сторожа сюда не нанимал!» — Сергей усмехнулся. — Ну, пришлось ему все рассказать... — он вновь закурил. — Мужик он оказался неплохой, выслушал меня, головой покачал и предложил: «В лесники пойдешь? Директор лесхоза — мой дружок — могу посодействовать!» Я согласился, не раздумывая. И не жалею...

За дверью жалобно заскулила собака. Серега повернул лохматую, давно не стриженную голову, прислушался.

— Надо, пожалуй, дать ему пожрать, а то не даст покоя...

Вадим согласно кивнул и, когда за хозяином закрылась дверь, умиротворенно смеялся веки. В печи вкрадчиво потрескивали догоравшие поленья, за стеной методично постукивал будильник, а за окном невнятно и безмятежно шумело озеро...

На следующее утро Сергей решил отвезти приятеля на один из ближайших островов.

— Рыбачить, что ли? — с любопытством спросил Вадим.

Хозяин, поставив в лодку бачок с горючкой, извлек из бардачка «болотники».

— Надевай. Там поглядим...

И по его сосредоточенному, даже таинственному виду гость догадался, что ему готовится какой-то сюрприз. Без лишних слов он нырнул в просторные сапожищи и шагнул к воде. Озеро вкрадчиво, убаюкивающе бормотало...

Сергей рванул стартер. Облачко светло-голубого дыма вырвалось из-под кормы, затарахтел мотор...

— Толкай! — распорядился хозяин.

Вадим уперся в нос лодки, сделал пару быстрых шагов, запрыгнул на спардек, замочив подошвы сапог. Сергей мастерски развернул «казанку», прибавил газ, и легкая алюминиевая посуда, горделиво задрав нос, понеслась по безбрежной водной глади, унося на себе друзей...

Берег стремительно удалялся. Через несколько минут Вадим увидел вокруг себя только бездонную, хрустально-прозрачную толщу воды. Свежий, обжигающий ветер хлестал его по лицу...

Непонятное, ранее неиспытанное чувство переполняло гостю грудь. Ему случалось бывать на море, между прочим даже не на одном. Он видел и Балтийское, и Охотское, и Черное... Вспомнил, как во время двухдневного перехода из Одессы в Батуми вышел ночью на палубу. Светила яркая, неподвижная луна, черные, устрашающие волны теснились за бортом. Старенький теплоходик обреченно скрипел всеми своими переборками, устало взбираясь на головокругительный гребень, а потом низвергаясь куда-то в пучину. Казалось, еще один такой прыжок и ветхое судно канет прямо на дно...

— Это малое море! — перекрикивая рев мотора, гаркнул Сергей.

Вадим огляделся по сторонам. Сзади, за спиной, поднимались сумрачные, неприветливые скалы, зеркально отражаясь в озерной глади. А впереди, словно туша гигантского кита, растянулся безлюдный остров...

Сергея направил лодку в небольшую бухточку. При ее появлении с груди мокрых валунов в воду соскользнули блестящие упругие тела. Примерно с десяток...

— Кто это? — вздрогнул гость.

— Нерпы.

Сергей заглушил мотор.

Из воды на них настороженно смотрели остроносые, усатые головы с огромными влажными глазами. В них застыл немой вопрос...

Друзья не спеша вылезли на берег. Вадим осмотрелся. Остров довольно круто вздымался кверху, за кромкой ярко-желтого песка росла невысокая, уже увядшая трава и молодые сосенки. Справа, в полусотне шагов, высилась совершенно голая, округлая гора, на вершине которой громоздились какие-то диковинные руины, похожие на живописные развалины средневекового замка...

— Это что? — не выдержал Вадим.

Приятель с ответом не торопился. Он будто бы испытывал терпение и воображение гостя, смиренно выжидая, пока тот не насладится первобытной, дикой красотой незнакомых мест и до конца не истощит свою фантазию...

— Дворец Синей Бороды, что ли?..

Сергея снисходительно усмехнулся — догадка приятеля была слишком далека от истины. Впрочем, он и сам, впервые увидев эти каменные громады, подумал примерно то же. А когда узнал истинный смысл и долгую историю возникновения этих причудливых стен и башен, то озадачился всерьез. С Вадимом произошло нечто похожее. Выслушав короткий рассказ хозяина и уважительно глядя на циклопические постройки, он спросил минутой спустя:

— А твой камень там есть?..

— Есть, — просто ответил Сергей, — последний я положил в прошлом году, — он вздохнул, — когда застрелил кота...

Над озером, точнее над его заливом, называвшимся «малым морем», пронесся свежий ветерок, слегка взбудоражив светлую, чистую, как слеза ребенка, воду... На острове зашелестела сухая трава, заколыхались ветви низкорослых сосенок...

— Сколько лет все это складывалось? Сто? Тысячу?..

— Не знаю, — честно признался Сергей.

Приятель неожиданно предложил:

— Давай поднимемся туда!..

— Тогда надо взять по камню, — Сергей вытащил нос лодки на песок, извлек из бардачка кеды, — переобувайся...

Вадим махнул рукой:

— Ничего. Я так...

Приятель покачал головой:

— Ладно, смотри... — огляделся кругом. — Тогда ищи камень...

— А с пустыми руками нельзя?..

— Нет. Таков закон...

Они выбрали по камню. Благо, у кромки берега их валялось великое множество. Хотелось думать, будто вес и величина каждого определялась таким образом, чтобы его без особых трудов можно было втащить на вершину горы.

— Запомни, — повернулся к гостю Сергей, — каков грех — таков и камень!.. Так решили когда-то здешние аборигены...

— Я понял, — покорно ответил Вадим и с сомнением посмотрел на свою ношу — она была средних размеров, বেশ в полпуда. Он бросил взгляд на руки приятеля — камень у того оказался поболее.

— Сомневаешься? — усмехнулся Серега.

Вадим не знал, что ответить. Грехов у него хватало, только какие они — большие, маленькие, средние, — этого он не мог решить сразу. Однако, на всякий случай, положил камень у ног и выбрал другой, посolidнее. Приятель спрятал улыбку.

— Пошли?

— Ага...

Они приблизились к подножию сопки и начали медленно подниматься к вершине.

— Отдыхать можно, но класть на землю камень нельзя, — предупредил Сергей.

Вадим, сопя, кивнул. Крутизна склона и тяжесть ноши уже давали себя знать. А тут еще эти чертовы болотники! Он никогда не думал, что вскарабкаться на гору величиной с двадцатипятиэтажный дом стоит таких героических усилий. Камень прибавлял в весе с каждым шагом, а идти можно было только боком, подобно крабу-отшельнику и нести груз перед грудью. Иного способа подобраться к сказочным руинам, видимо, не существовало.

— Передохнем? — предложил Сергей, поместив булыжник на плечо.

Гость с радостью сделал то же самое — пот катился с него градом. Однако стоять на крутом склоне оказалось не легче, ноги сами съезжали вниз...

— Двинули?

Вадим молча вивнул. Они взбирались на вершину больше часа. Когда до циклопических построек остался с десяток шагов — у невольных паломников дрожали руки и ноги...

— Впечатляет? — с натугой спросил поводырь. Он имел в виду панораму, открывшуюся с вершины.

Но Вадим вначале поместил свой камень на грудь других и перевел дух. В видах у него стучало, ноги гудели. Сергей тоже положил свою ношу, только в строго определенное место, как бы завершая какой-то, ему одному ведомый ансамбль. Гость осмотрелся. Вид с вершины открывался необыкновенный — прозрачная, незамутненная гладь озера представлялась громадной, бездонной чашей, полной эликсира жизни, а вокруг — высоченные, мрачноватые скалы, словно заколдованные стражи, стерегущие этот бесценный дар природы...

— Полный обмен воды в нем происходит за четыреста лет, — негромко сообщил Сергей. Приятель недоуменно покосился на него.

— У нас, у человека, — пояснил тот более наглядно, — все меняется за семь лет... А у него, представляешь?..

Представить это было невозможно. Совсем невероятно. Как каждый житель огромной страны Вадим знал, что это озеро считается одним из самых больших и красивейших в мире. Десятки лет ведется, хотя бы словесно, борьба за его спасение. И безрезультатно. Значит, оно может погибнуть. Наверное, уже погибает. А через четыре сотни лет животворное чудо предстанет громадной, зловонной чашей с эликсиром смерти. Но тогда не будет ни его, ни Сергея...

— А где тот камень?

— Который?..

Вадим искал слова:

— Ну, в память о коте...

Приятель показал. Валун оказался огромный, продолговатый, в трещинах. Можно было только подивиться — как удалось человеку поднять его сюда? Вадим с уважением посмотрел на друга. Потом попытался, хотя бы приблизительно, посчитать общее количество камней. Дошел до сотни и сбился. Сергей махнул рукой:

— Бесполезно. Я тоже пробовал...

Некоторые из камешков прочно вросли в землю, оделись мохом и травой. И были они громадные, весом не меньше ста килограммов. Интересно, за какие злодеяния и преступления втащили их сюда? Или чье-то раскаяние было столь безмерно и безгранично? А кости бывших грешников, принесших их на гору покаяния, наверняка уже рассыпались в прах... Имена и дела каждого из них тоже исчезли из памяти людской.

Вот и выходит, что это единственное свидетельство их пребывания на нашей грешной земле — безымянный булыжник, уложенный в сказочную стену. Зато у бесчисленного большинства отсутствует и это. Они будто бы и не существовали вовсе!..

Далеко внизу, совсем как крохотная соринка, промелькнула моторная лодка, ничуть не потревожив глади священного озера. Над цепью синих гор клубились стайки легких облачков...

